

Чэнь Жун стоял под деревом, глядя на огни города. Сборы подходили к концу. Завтра с утра обоз Чэнь выйдет из НаньНьяна на юг. Он был неподвижен в течение очень долгого времени. Поскольку проводил внутренний анализ. Что ж...результаты роста впечатляли. Благодаря битве и поглощенным духам демонов он ощутимо продвинулся в культивации. Оказывается, у инициированных омег куда больше возможностей. По крайней мере, он незаметно набрал все звезды Золотого Ядра, что много значит. Потому и не успевало его сознание за ростом силы. И сейчас он был на границе прорыва в Кристаллическое Ядро. Личное пространство тоже ощутимо расширилось, но туда он решил пока не соваться, это требовало определенной обстановки и уединения. Сейчас, новым пополненным хозяйством там распоряжалась А Жунь. То-то ее и не слышно. Наверняка шмотки перебирает.

Чэнь Жун повернулся, чтобы уйти, только когда во дворе стало совершенно тихо, и когда свет снаружи потускнел, а в воздухе смолкла музыка свирелей.

Но, как только обернулся, то застыл, как вкопанный.

Он не уверен, но когда это в его дворе установили два столика? И разве красивый мужчина в белом одеянии, медленно наливающий вино, не Ван Хун?

В темном углу позади него виднелись неясные тени. Охрана. И все же в его дворе было как-то очень тихо. Он гадал, легли ли его слуги спать или их просто нет дома. Хотя... они, скорее всего, собирают повозки в лавках и на складах. Ведь большинство барахла там, разбросанное в хранилищах по всему городу. Он конечно по основным точкам прошелся, но на все времени не хватило. Поэтому придется довериться.

Но почему Цилан так внезапно появился у него во дворе в столь поздний час?

Чэнь Жун посмотрел на него и медленно изобразил безмятежную улыбку.

Маленькими шажками он подошел к нему, усевшись напротив его стола, за другой.

Под звездами, он улыбнулся и с демонстративной отстраненной теплотой посмотрел на этого человека. Ни в его глазах, ни в выражении лица не было ни удивления, ни отчуждения. Как будто он его старый друг, как будто они уже договорились о встрече.

Улыбнувшись ему, Чэнь Жун наполнил обе их чаши. Затем поднес чашу к губам и отпил. Вино было достаточно неплохим. Цилан молчал, и он так же молчал.

Спустя довольно много времени Ван Хун, наконец, окликнул его по имени. Его голос был таким же чистым и приятным для слуха, как и всегда. Он поднял глаза и увидел его леденящее сияние, все завернутое в белое, когда его горло дрогнуло. Он немного помолчал и позвал:

— А Жун, — вздохнув, он сказал ему прямо, — Твой багаж уже погружен в повозку. Все остальное тоже устроено. Мы можем уехать прямо сейчас.

— Я поеду с Чэнь Гонжаном, — тихо ответил он, при этом улыбнувшись. Положил и придавил он на этого сноба.

Ван Хун выпил вина. Затем встал.

Когда его широкий рукав хлопнул, завершая разговор, Чэнь Жун посчитал, что он уйдет. Но последнее, что он услышал, стало тихим голосом Ван Хуна, произнесшим:

— Выруби его.

— Что?

Ошеломленный, Чэнь Жун вскинул голову, подняв глаза.

Но как только он поднял голову, боль укола пронзила его шею, затем он потерял сознание и упал в благоухающие объятия Цилана...

Цилан дал знак забрать драгоценную ношу. Со всей осторожностью юношу вынесли и опустили в паланкин. Туда же забрался и Цилан.

Как там сказал его юный спутник? Всё перетопчутся.

-oOo-

Чэнь Жун проснулся от резких толчков основания под собой. Его кровать обзавелась колесами?

Он повернулся и неосознанно ощупал себя. Он лежал на довольно мягкой основе, укрытый покрывалом, под головой был валик, неподалеку ощущался источник тепла и даже не один. Но в целом было прохладно.

Когда он начал ворочаться, то в это время внезапно появилась чья-то рука, успокаивающе взявшаяся его за руку.

Чэнь Жун медленно открыл глаза. В легком сумраке, типичном для закрытой повозки, он различил стенки дорожного фургона, а так же знакомую фигуру. Цилан.

Он увидел, что Ван Хун читает шелковый манускрипт-свиток, закрепленный на специальной

подставке. Он удобно откинулся назад, на мягкие подушки, а рука Жуна крепко сжата в руке Цилана.

Почувствовав, что он проснулся, старший мужчина его руку отпустил. Но от начала и до конца его взгляд оставался прикован к книге.

Чэнь Жун взглянул на него и отодвинулся в сторону. Он поднял занавеску окна и с любопытством выглянул наружу.

Клубящаяся дорожная пыль и длинная кавалькада заняли все поле его зрения – как спереди, так и сзади. Обоз был очень серьезным. Время от времени мимо повозки следовали всадники охраны в доспехе гвардейцев Ван.

Более внимательный взгляд на флаги и вымпелы сказал ему, что это объединенный обоз, включающий все основные кланы аристократов НаньНьяна. По сторонам обоз был защищен гвардиями этих Домов. Поскольку явно читались все основные вымпелы самых почитаемых кланов Наньньяна, создавалось ощущение, что идет целое войско. Мелкие отряды разбойников не рискнут напасть на такое число вооруженных людей.

Чэнь Жун высунул голову, чтобы посмотреть еще раз.

Бросив беглый взгляд, он определил, что повозки, двигавшиеся прямо за ними, принадлежали ему, и заметил Старого Шена, управляющего одной из них. Все нормально. Его «украли» с приданым. Три ха-ха. Для девицы такое было бы равноценно признанию статуса наложницы. Но для него – тьфу. И растереть. Уже. Какой-то барьер в сознании был преодолен. Он даже не ожидал подобной внутренней свободы.

Он лениво откинул голову назад. Судя по тому, что голова не болела после «вырубания», ему с уколom ввели сонное зелье. Наверняка качественное, потому что подействовало сразу. И побочки не ощущается. Правильно... его беречь надо. Про себя он хмыкнул. Он оценивающе глянул на Цилана. Ха, да они равны по культивации! Но что-то в восприятии старшего омеги было непонятным... Но он подумал, что с этим разберется позже.

Когда его взгляд упал на цитру в повозке, он тут же сел и подвинулся, чтобы поставить ее перед собой, а затем дернул ее струны, что вызвало неторопливый мягкий звук.

Ван Хун поднял голову, услышав музыку – довольно сложную, но в то же время освобождающую мысли слушателя. Чэнь Жун импровизировал, как оно и было принято при игре на этом инструменте. Эфир тут же начал вплетаться в мелодию, делая ее совершенно очаровательной и проникновенной.

Цилан спокойно посмотрел на него. Омега был дивно хорош и весьма искусен в игре на довольно непростом инструменте. Цилан прекрасно различал игру выученных пьес и вот такую, свободную, воплощающую мысли и чувства исполнителя. Конечно, подобное ценилось

куда больше.

Занавеска отодвинулась, и луч света осветил его лицо и глаза, ставшие прозрачными, словно вода южных лагун. Невероятный цвет.

На его прекрасном лице играла улыбка, а глаза сияли, подобно звездам.

Этот мальчик почему-то не испугался и не встревожился, очутившись в тряской повозке после того, как его вырубил и выкрал. Ван Хун медленно отложил шелковый свиток и снова откинулся назад. Задумчиво созерцая своего юного спутника, тонкими пальцами он поглаживал свой подбородок в задумчивости.

Юный омега был потрясающе красив под солнцем, но синяки на подбородке мгновенно вызвали перед его глазами сцену его вчерашней встречи с Жань Минем... Ван Хун дернул плечом. Демон был крайне неприятным соперником, с которым все равно придется налаживать контакт. Это дал понять кронпринц. Сыма Мо предупреждал о сложностях в этом направлении и советовал пока по-возможности избегать генерала, тот должен успокоиться и смирить свою ревность..

Подобно текущему ручью, звуки цитры текли через высокие горы, через пышную листву, через поля и, наконец, влились в реку.

Они прошли сквозь времена года, и присоединились к большой реке, где они больше не являлись самими собой... Перед взором слушателей словно открывались картины, показанные музыкантом, при том, что они пока следовали по унылой пустынной степи.

К ним подъехала шицзюй, и оттуда раздался громкий голос Юй Чжи:

— Цилан, когда твоя музыка стала такой вычурной и в то же время насыщенной красотой?

Он взглянул на играющего Чэнь Жуна и уронил челюсть. Неужели Цилан все же смог обуздать строптивного мальчишку? Он был в курсе того, что тот объявил статус мага, все же именно он был одним из зрителей «первого ряда» в этот момент. Но считал, что Чэнь теперь вцепятся в свое сокровище, так, что не вырвать. Но мальчишка в повозке Цилана.

Хах! Что бы подобное значило? Его собственные родители вели переговоры с кланом Хуань Цзюланя, но те пока тянули, не отказывая, но и твердо ничего не обещая. Никто просто так не хотел отдавать одаренных. Для большинства нюансы статусов и уровней одаренных были недоступны. Хуань были достаточно состоятельны и высокородны, чтобы тянуть время, совершенно не обращая внимания, где и с кем сокровище проводит ночи. А Цзюлань хоть и относился к нему неплохо, но пока голову от любви не терял. Раздавая авансы своего внимания всем достойным альфам. Ах, эти омега...но познав удовольствие и эффект двойной культивации, отказаться от такого было невозможно.

Тем временем Чэнь Жун продолжал музицировать. Его музыка навевала некоторую меланхолию и приятную мечтательность. Все же мальчик был исключительно талантлив.

Хотя Чэнь Жун практиковалась в игре на цитре более десяти лет, и ее даже можно было считать талантливой, у нее имелись только исполнительские техники, но не имелось эмоций. Ее пальцы брали сложные и утонченные ноты, переходы мелодии были тщательными, но без эмоций она не могла достичь высот элегантности, независимо от того, насколько высокими были бы ее навыки игры на инструменте.

Чэнь Жун упражнялся на гусях, инструмент был обязателен для освоения в их учебном заведении и располагал совершенно иными звуковыми рядами, характерными для его страны и времени. Это делало его исполнение странным и любопытным для местных традиций.

Теперь его музыка имела душу в дополнение к технике. Не самую простую и очень загадочную.

Юй Чжи с удивлением наблюдал за Чэнь Жун. Он оглядел его с ног до головы, затем повернулся к Ван Хуну и рассмеялся.

— Цилан, твой мальчик довольно опытно играет.

Музыка замедлилась и остановилась.

Чэнь Жун посмотрел на Юй Чжи сияющими глазами и с улыбкой произнес:

— Ты оговорился, господин Юй. Моя фамилия Чэнь, меня зовут Жун. Когда обращаешься ко мне дружески, звать меня следует, А Жун из дома Чэнь.

Он критиковал его за использование эпитета "твой мальчик".

Получив его сердитый взгляд, Юй Чжи взглянул на Ван Хуна и поморщился.

— Ван Цилан, у тебя плохо получается. Бери пример с меня.— Он гордо хлопнул себя по груди.
— Тогда, дома, у меня это заняло всего месяц, — добавил он, хмыкнув.

Ван Хун слабо улыбнулся в ответ на его насмешку. Победа альфы была довольно условной — да, омега разрешил ухаживать за собой и даже вести переговоры... Но вот каков будет результат всего этого — было еще непонятно, учитывая, что они направляются в столицу и там, при дворе, у некоторых появится немало соперников. Тот же наследник — Цинван Сыма весьма заинтересован в омеге подле себя, хотя эффекта для него это никакого не несет, разве что обещает зеленую шляпу. Он повернулся и спокойно посмотрел на Чэнь Жун. Увидев его склоненную голову и развевающиеся на ветру атласные волосы, он беспомощно замер. Интуиция говорила, что на этого омегу ни в коем случае нельзя давить. Ошибок было сделано уже достаточно.

— В конце концов, все люди разные, — наконец тихо произнес Цилан.

Юй Чжи расхохотался. Он упер руки в бока и бросил презрительный взгляд на небо, чтобы показать свое презрение к Ван Хуну.

Ван Хун тоже улыбнулся, и его глаза снова вернулись к Чэнь Жуну.

Чэнь Жун все еще играл на цитре. Пока двое других беседовали, в воздухе снова зазвучала роскошная, но меланхоличная музыка.

По мере того, как музыка дрейфовала в воздухе вдоль каравана, шумы и разговоры постепенно стихали. Все окружающие являлись ценителями, и, как и Юй Чжи, они нашли преимущества наслаждения хорошей музыкой в тот момент, когда Чэнь Жун начал играть. В пути не столь уж много развлечений.

В то время как толпа продолжала слушать, музыка внезапно прекратилась.

В середине своей игры Чэнь Жун внезапно испытал скуку, поэтому отложил инструмент и вернулся на свое прежнее место, чтобы наблюдать в окно за тем, что происходило снаружи.

Обоз неспешно двигался вперед, но несмотря на свои размеры, он был куда организованнее, чем во времена бегства из Пинга. По крайней мере, ничто не намекало на случайные остановки для принятия ванн и питания... хотя, конечно сейчас и не лето. Пусть морозы отступили, но весна еще не началась. Степь вокруг радовала мертвой травой и редкими купами голых кустарников. Уныло и меланхолично. Изредка встречались разоренные ху селения, брошенные вдоль дороги сломанные повозки, все, как всегда.

Тем временем за его спиной продолжался о чем-то разговор Ван Хуна и Юй Чжи. Некоторые из фраз он мог слышать, некоторые из них не мог. Юй Чжи взглянул на Чэнь Жуну, затем наклонился к Ван Хуну и прошептал:

— Что ты сделал, как получилось, что он больше не желает жить?

Рот Ван Хуна медленно растянулся в кривой улыбке.

Затем он оглянулся на Юй Чжи.

— Не бери в голову, притворись, что я не спрашивал, — рассмеялся Юй Чжи, понизив голос. — Но, в конце концов, он все же с любопытством оглядел белое ханьфу Чэнь Жуну и перевел взгляд обратно на Ван Цилана. — Вы даже одеты одинаково... — пробормотал он.

— Держу пари, как только мы доберемся до Цзянькана, все девушки последуют этому примеру

и будут одеты в один цвет. И город погрузится в печаль и меланхолию.

В этот момент Чэнь Жун высунул голову и крикнул назад:

— Момо Пинь!

Матушка Пинь услышала зов своего мастера, несмотря на суету вокруг них. Она тут же высунулась и улыбнулась в ответ.

— Господин!

Радость заполнила ее лицо. Вчера она была напугана заявлениями Чэнь Жуна и не могла спать всю ночь. Теперь она могла, наконец, успокоиться. Ее мальчик нашел покровителя. Пожалуй, этот-то будет лучше, чем генерал.

Услышав ее ответ, Чэнь Жун протянул руку и коснулся двери. Как только он пошевелился, его руку отдернули назад.

Затем позади него раздался нежный голос Ван Хуна, его теплое дыхание обдувало его ухо:

— Цинцин, лошади в движении. Ты поранишься, если прыгнешь отсюда.

Чэнь Жун неторопливо обернулся и улыбнулся ему. Ах, как трогательно!

— Не беспокойся, господин Цзы(наследник) Ван, — у него больше не было желания умирать.

<http://erolate.com/book/1285/36194>